DOI: 10.17976/jpps/2019.05.07

DIXI

КИТАЙСКИЙ УГОЛ В МИРОСИСТЕМНОМ УПРАВЛЕНИИ

А.Д. Богатуров

БОГАТУРОВ Алексей Демосфенович, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель редакционной коллегии журнала "Международные процессы", Москва, email: alebog@obraforum.ru

Богатуров А.Д. Китайский угол в миросистемном управлении. – Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 85-95. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.07

Статья поступила в редакцию: 06.06.2019. Принята к публикации: 10.07.2019

Аннотация. Китай выдвинулся на авансцену мировой политики, и это повлекло за собой перестановку сил между пятью ядерными державами, представленными в Совете Безопасности ООН. Россия заняла благожелательную позицию по отношению к новому статусу Китая, Франция – нейтральную, США и Британия не высказали своего мнения. Остальные государства наблюдают за происходящим с интересом или беспокойством. США при Д.Трампе придерживаются наступательной позиции по всем конфликтогенным направлениям. Пекин же сохраняет осторожную позицию: не идти ни в один из "союзов" и заниматься собственными проблемами. Москва противостоит США, не пытаясь вступать в военные союзы. Континентальный ЕС озабочен урегулированием конфликта на Украине и одновременно ищет возможности новых выгодных отношений на Ближнем Востоке, в Азии и Латинской Америке. Автор на основе компаративного анализа динамики международных отношений показывает противоречивость политики ядерных стран на стыке изменений, связанных с большей "свободой рук" США, России и Британии. Страны "ядерной пятерки" придерживаются политики "удержаться на взвешенной позиции" в потенциально конфликтных ситуациях.

Ключевые слова: миропорядок, пятистороннее регулирование, ядерные державы, ООН, Китай, Россия, США, ЕС, баланс сил, мировая политика.

"Пять ядерных держав" и "мировое управление" – веские, неоднозначные термины, заставляющие задуматься о рождающихся принципах мироустройства и, в частности, о новой роли Китая. Мощная экономика, самая большая в мире численность населения, самостоятельность и "китаецентризм", пластичная адаптация и "привыкание" к окружению – все это влечет за собой желание порассуждать о том, как Пекин влияет на противостояние России с США, Британией и, в меньшей степени, с Францией.

Как будут приниматься решения о поддержании баланса и его нарушениях? На глазах меняется общемировой расклад сил. Нечасто встречающееся употребление термина "трехсторонний мир" исподволь наполняется реальным смыслом. К привычным словам теперь прибавляется уточнение "*плюс*". Это больший акцент на нюансы словоупотребления, чем в начале 1970-х годов, когда оно было впервые использовано. "Плюс один" значит: Москва и устные принципиальные договоренности с Пекином; "плюс два" – Вашингтон с пространственной проекцией на Лондон и Париж. Получается "трехполюсная" система, но с серьезными *оговорками*. В "плюс" текущего момента засчитывается *вся действующая* система!

Понять – значит постичь своеобразие подхода КНР ко второму десятилетию нашего века: где и как на поверхности взаимодействуют смягчаемые-сдерживаемые противоречия россие- и китаецентризма и американо-европоцентристского миров.

КАК СКЛАДЫВАЕТСЯ ПЯТИУГОЛЬНИК

Китай – страна, экономика которой закрепилась к концу 2010-х годов на второй отметке в мире по совокупному продукту (*total product*). Этот новый статус не мог не сказаться на ее манере общаться с внешним миром и приходить к соглашениям – мирохозяйственным и дипломатическим, не говоря о прочих (культурных, гуманитарных и т.д.). Новое окно возможностей выдвинуло Китай на позиции государства, обладающего большим реестром средств, чтобы говорить с Россией и США на равных, но имеющего некие причины не желать этого делать (как Вашингтон в мае 2019 г.)[1]. Тогда же Пекин получил извещение о разрыве сделок с компанией *Huawei* по продаже и совместному изготовлению смартфонов с американской фирмой *Google* (по истечении трех месяцев с момента объявления). Китайская сторона попыталась обжаловать эти действия в американских арбитражных инстанциях, поставив под вопрос их соответствие законодательству США. Претензии не принесли видимых результатов.

В целом Пекин предпочитает быть в курсе всех переговоров, но *не желает* связывать себя какими-то обязательствами. И это, я считаю, знак серьезности намерения дистанцироваться от всех.

Спад в экономике КНР в 2016 г. не испугал американских инвесторов, (вернее, тех из них, кто считает себя вправе направлять ресурсы в те или иные рынки за рубежом), но только активизировал их. Заявления с критикой Китая содержались в выступлениях президента США и госсекретаря США (2019 г.), но со стороны крупного капитала нажима на Китай не было замечено, лишь последовали лихорадочные заявления о “возможных потерях” от прекращения сотрудничества с китайскими партнерами.

Правительство США усиливает давление на Китай по всем азимутам в попытке заставить его быть более лояльным к интересам американских компаний и правительственных ведомств. Этот акцент наблюдается не только применительно к американской территории, но и к Европе, Латинской Америке, Азии, Австралии и Африке. “Не разделяйте мир и не властвуйте в нем, как если бы он не был американским”, – примерно так можно обозначить американскую позицию в отношении КНР.

Китай все это видит, но внешне, похоже, не реагирует на зигзаги в поведении республиканской администрации. Мир же реагирует и вырабатывает правильный подход, который позволял бы занять позиции, обезопасившие развитие, и извлечь выгоды из экономической стратегии КНР.

США стоят на новой позиции, а КНР придерживается старой. Вашингтон *больше* не хочет сдавать доминирующие позиции в Азии, Европе, Латинской Америке, Африке. Позицию администрации Д. Трампа можно интерпретировать как выдвижение на *наступательные* позиции. Такой сдвиг наблюдается по всем направлениям, и Китай здесь вовсе не исключение.

[1] Имеются в виду предложение Вашингтона о присоединении к американо-российским переговорам о ядерных вооружениях от 17 марта 2019 г. и позиция Пекина в мае того же года, когда власти США поместили компанию *Huawei* в “черный список”.

Россия заметила это не сразу (или заметила, но не придала значения), поскольку была с 2013 г. поглощена обострением разногласий с Украиной, выросших в общеевропейскую проблему, в решение которой вовлечены Франция и Германия. Политика США, вложивших немало ресурсов в разжигание конфликта, привела к тому, что на несколько лет отношения с Киевом заслонили в глазах Москвы вопросы общемирового значения. После мая 2019 г., когда на Украине победил на президентских выборах новый лидер, особых изменений в ее политике на российском направлении не заметно, за исключением телефонных контактов между президентами двух стран, состоявшихся 11 июля и 7 августа 2019 г. по инициативе украинской стороны.

Пять лет – с 2013 по 2018 гг. – достаточный срок, чтобы констатировать: мир привыкает к "трехполюсному+" миру, к чему-то отличному от прошлого, к пятиугольной структуре управления планетой. Каждый из пяти центров будет озабочен одной проблемой: как согласовать свое в*и*дение *главного* принципа – не "нарушить и прочно стоять" – с четырьмя другими ядерными державами. Чтобы прийти к этому, потребуется немало времени. Россия и Китай, очевидно, близки к трезвой оценке реальности. Но США вкупе с Британией и Францией, кажется, далеки от глубокого осознания ситуации – или слишком заняты решением текущих вопросов.

Чем отношения в пятиугольнике отличаются от прежних

КНР выросла в полноценный экономический, военный и космический центр силы. Россия ценой больших усилий совершила крутой поворот и *стала вновь самостоятельной военной державой,* напоминая отдельными чертами Советский Союз. Франция поглощена европейскими материковыми заботами, общемировые дела для нее кажутся важными, но не первостепенными, актуальным остается спор об Украине. Вот это для нее важно, вот почему французская делегация реагирует в ООН так нервно.

С беспокойством следят за новостями Германия, Индия, Пакистан, Италия, Япония, Бразилия и другие страны[2], заметившие, что перелом 2013 г. завершил "эпоху нововведений" 1992-2012 гг. Закончился переход к новой "пятицентовой вселенной". Главное отличие – в "*равнодержавном*" отношении к другим центрам со стороны ни от кого не зависящего Китая, который настаивает на соответствующем своему новому статусу уважении.

Чем же отношения в пятиугольнике отличны от существовавших прежде?

Во-первых, стремительным ростом населения планеты, который не только ведет к увеличению экономического потенциала, но и обостряет внутренние проблемы. Первое место в мире по этому показателю занимает Китай (1,396 млрд жителей), превосходя Индию на 37 млн человек. Россия в сравнении с ними занимает, можно сказать, скромное положение – 146,781 млн. При этом КНР остается на третьем месте в мире по площади, уступая лишь России и Канаде.

КНР, Индия и Россия вместе составляют около 37% мирового населения. А если бы они наладили сотрудничество и стали вести политическую игру по-новому? Однако пока ясно, что они не будут играть по-новому еще долго, поскольку между ними (особенно между Индией и Китаем) существуют проблемы, разрешить которые руководство этих стран не готово.

[2] См. любопытные оценки западных и наших авторов [Acharya, Buzan 2010; Дегтярев 2016].

Кризис в 2016 г. понизил показатели прироста экономики Китая, но Пекин обладает половиной мировых запасов иностранной валюты, владеет крупными ресурсами угля, железной руды, нефти, газа, урана. Об этом невольно вспоминаешь, анализируя индустриальные планы Китая (строительство деловых комплексов в ряде городов). ВНП в 2018 г. вырос на 6,6% – немалый уровень, даже если сравнить с предыдущими индикаторами (их можно определить примерно – Пекин не давал точных данных). Хотя средний китаец – человек, обладающий лишь минимальными знаниями, которые нужны для пользования мобильной телефонной связью, Китай лидирует по числу мобильных устройств. Кризис, как его понимают в Китае, – это падение производства, но не фатальное, а требующее усилий для модернизации системы инвестиций и закладки порядка, способного вывести экономику на новый уровень, отвечающий современным задачам страны.

В КНР следят за потоками инвестиций – откуда они берутся и куда направляются, знают, кто из зарубежных бизнесменов реально вкладывает капиталы в Китай – *хуацяо* (китайская диаспора) или иностранные граждане. Главные источники иностранных капиталов – Гонконг и Тайвань (с их непростой историей взаимоотношений с КНР), а также США, где число "бывших китайцев" на западе (в Калифорнии) и востоке сравнительно высоко.

Во-вторых, чтобы правильно сделать выводы, нужна своеобразная "двухголовая" структура, которая будет решать процессы развития Китая: по-современному настроенная "голова" стратегов-мыслителей, с одной стороны, и, с другой стороны, "голова" политиков, стоящих у руля, определяющих долгосрочную и краткосрочную политику КНР. Не будем гадать, какая из них должна быть определяющей. Это вопрос полемический и, безусловно, *политический*. Чтобы понять, куда направляет КНР усилия в накоплении знания, опыта, технологий, надо иметь в виду, что современная компартия отнюдь не та, какой она была до 1980-х годов. Последующие десятилетия компартия отдала осторожной, медленной модернизации своего опыта, которая привела к середине 2010-х годов к появлению модели правления, не столь уж радикально отличной от иных современных управленческих моделей – как в США, Японии, Западной Европе, так и в России.

В-третьих, ядерный потенциал КНР изменился количественно и качественно и может теперь сравниться с ядерными системами других ядерных держав. Атомная энергетика дает 3% всей энергетической мощи страны, и этой доли Китаю хватает на решение оборонных задач, понимаемых как комплексное и перспективное решение вопросов ядерных вооружений. Достижения в сфере освоения космоса также убеждают в твердости и состоятельности амбиций КНР в области инновационных технологий.

В-четвертых, экономический потенциал преобразуется в политические амбиции КНР – удержание западных районов Китая (восточных ареалов Центральной Азии), сохранение тюркоязычного Синьцзяна и населенного *иным* народом Тибета. Тибет – "сердце буддизма" – есть часть Китая, хотя носители веры живут не только в КНР, но и в Индии, Японии, Монголии, Вьетнаме, России (Бурятии, Калмыкии и Тыве), Корее (в основном в Южной). Источники напряжения повсюду – на юге, западе, севере и востоке [Воскресенский 2006].

Не говоря о древнейшей культуре управления, конфуцианство, буддизм и даосизм теоретически модернизированы за счет внедрения коммунисти-

ческих постулатов (“патриотическое воспитание”). Новый синкретический комплекс стал “подверстывать” политические проблемы под современные версии буддизма или конфуцианства. В то же время основанная на древних текстах философия дает разнообразие трактовок, что и происходит с китайской политикой, которая при изобретательной фантазии может оправдать почти все происходящее. Таким стало мышление коммунистических лидеров.

Многократно вырос интерес к Китаю, и политологи стремятся приобщиться к пониманию его философии, сопоставляя ее с реальной политикой КНР. Устойчивый спрос на поездки в КНР – характерная особенность нового рабочего графика ученых, не говоря о визитах людей, решающих конкретные задачи развития экономических и политических связей с Китаем. Слой китаеведов в начале 1950-х и середине 1990-х годов пополнился за счет “бывших китайцев”, западные университеты позволяли им “угнездиться” и следили за тем, чтобы публика не пугалась “мирного нашествия из Китая”, которое побило все былые рекорды. Китайцев не просто поощряли и пестовали. Негласно их побуждали заняться преподаванием американской и западноевропейской аудиториям китайского языка, литературы, философии, права, передать нормы особенностей китайского поведения в инонациональном окружении.

В СССР и России – иное дело. С одной стороны, под влиянием исторической памяти, хранящей воспоминания о более чем прохладных отношениях конца 1950-х – 1970-х годов, в нашей стране решительно противились внедрению китайцев в сферу образования (за исключением преподавания языка). С другой стороны, потребовались время и усилия для преодоления “остатков русофобии” китайцев. Но делиться достижениями НИОКР в нашем отечестве не отказывались, следя лишь за охраной секретов “запретных” областей атомной энергетики, военных и наукоемких производств. Китайцы соглашались на любые условия, лишь бы приехать и... “увидеть самим”.

Пекин решал проблемы улучшения отношений с США, Западной и Центрально-Восточной Европой, а также Россией, проявлял особую активность на новом приоритетном направлении – африканском, не забывая страны Азии и Латинской Америки. А.Н. Карнеев так описывает отношения Китая и России: “Наше взаимодействие характеризуется формулой ‘равноправное всестороннее всеобъемлющее стратегическое партнерство’. Она четко показывает, что наши отношения не являются военно-политическим союзом и не направлены против третьих стран – ни против США, ни против Японии”[3].

Проводя взвешенный многовекторный курс, Пекин старается, чтобы не возникла иллюзия чрезмерного сближения как с США, так и с Россией [Цыганков 2017], стремится решать с Москвой многочисленные проблемы азиатского окружения (от отношений со странами Центральной и Южной Азии до развития Дальнего Востока), а с США – регулировать усложнившиеся торговые связи. При этом Китай следит за тем, чтобы с Россией и с США взаимодействовать отдельно, на двусторонней основе, не дозволяя Москве или Вашингтону воспринимать любое сближение позиций как некое подобие “нового союза двух держав против третьей” (или как вариант – “трех-четырех держав против одной”). Подразумевается прежде всего координация курсов

[3] Путин и Си Цзиньпин закладывают новые принципы международного порядка. – *Экономика сегодня*. 05.06.2019. URL: https://rueconomics.ru/395417-putin-i-si-czinpin-zakladyvayut-novye-principy-mezhdunarodnogo-poryadka (accessed 20.07.2019).

России и Китая, но речь идет, конечно, не только о них. Отношения "пяти ядерных держав" – это преимущественно общий знаменатель политических усилий каждой ядерной державы "по отдельности и в своих интересах".

О ЧЕМ ПРЕДСТОИТ ПОРАЗМЫШЛЯТЬ РОССИИ

Сдвиг в сторону координации политических курсов следовало бы, несомненно, приветствовать, хотя предстоит уяснить, где та предельная черта, перед которой надо крепко подумать прежде, чем принимать решение. Всегда трудно "выбираться" из балансирования на грани дозволенного.

Вашингтон пытается привязать к себе Европу и оторвать ее от России. Чего стоят усилия сорвать проект "Северный поток – 2", призванный сблизить экономические интересы Германии и России. США активизировали давление через Атлантику по всем направлениям, включая даже военные связи в НАТО, чтобы помешать реализации проекта. И это несмотря на то, что германско-российский план газовых поставок предполагает гораздо более низкие цены, чем у американского газового топлива. Борьба развернулась между заокеанскими компаниями за сбыт газа в Британию, Францию, Нидерланды и Испанию и российскими – главным образом в Германию, и, судя по всему, она обостряется. Конгресс США настаивает на решении, нацеленном против российских компаний, и санкциях против европейских компаний, действующих вопреки воле конгрессменов. Германия и (после колебаний) Венгрия решили, что останутся верными договорам с Россией и подождут успешного завершения проекта, как и ожидалось, в конце 2019 г.

Правительство США в 2014 г. обвинило Россию в нарушении Договора о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД) в связи с тем, что дальность полета новой ракеты "Новатор – 9М729" (по классификации НАТО – *SSC-8*), испытанной в 2016 г. на полигоне "Капустин Яр", составила больше 500 км [Шаклеина 2017]. 20 октября 2018 г. Д. Трамп сказал, что рассматривает вопрос, а 4 декабря того же года госсекретарь М. Помпео заявил, что страна выйдет из ДРСМД, если в течение 60 дней Россия не вернется к исполнению договора. 1 февраля США приостановили участие в договоре, оговорив согласие соблюдать его, если Россия в течение шести месяцев уничтожит ракету.

4 февраля 2019 г. В.В. Путин подписал указ о приостановке участия страны в ДРСМД. Москва оставила за собой право вернуться к членству в договоре, но до этого действовать, как "если бы договора не существовало". Создается впечатление, что Россия чувствует себя не особо стесненной.

Конечно, крайне важна встреча лидеров России и США. Не беда, если бы она прошла в атмосфере полемики – жесткой, но не выливающейся в обмен только несогласиями. Помимо прочего, она могла бы продемонстрировать лояльность и уважительное отношение лидеров двух стран друг к другу, стать демонстрацией *доверия к переговорам*, даже если не удалось бы найти решений по конкретным пунктам. Неважно, что по этому поводу скажут конгрессмены или депутаты и комментаторы. Значимо то, что такая встреча просто состоялась бы, что выдвигались бы аргументы и контраргументы. В конце концов спор вышел бы к чему-то обязывающему США и Россию.

Отношения двух стран были на подъеме в 1988-1991 и 1992-2013 гг., но за последний период администрацией США, как "лояльными" республиканцами, так и "оппозиционными" к президенту демократами, сделано немало

для того, чтобы усложнить отношения и "испортить" повестку дня. В итоге свернуты дипотношения, экономические связи, культурный обмен, а масс-медиа быстро освоили обвинительный тон. Принимаются законы, которые нанесут вред отношениям в будущем. Все ведет к срыву договоренностей между Москвой и Вашингтоном и замораживанию отношений, как уже бывало. Теперь снова "вниз/навсегда/до предела"? Или... нет?

Речь идет не только о поисках баланса, условного равновесия между пятью ядерными державами, делающими самые высокие ставки в дипломатии и военной политике, но и о других, менее крупных, государствах, преследующих собственные цели и извлекающих выгоду из колебаний политической конъюнктуры. Приходится разделять державы на те, которые *по-европейски* отдают приоритет свободе выбора, но в то же время стремятся уважать менталитет других народов, и на те, которые *по-восточному* ставят гармонию и целостность общества выше свободы выбора. Разделительные линии проходят по всем азимутам, определяющим устройство самих этих стран – от Азии и Африки до Латинской Америки. Но страна, находящаяся на стыке цивилизационных моделей, в Евразии, обременена выбором и ищет способ, чтобы, с одной стороны, обеспечить своим гражданам свободу выбора, а с другой, не потерять целостности страны и общества.

Что означает "демократия" в европейском понимании? На эту тему написаны горы книг, в том числе и в России (см., например [Системная история... 2019]). По-восточному понимаемая "демократия" далека от базовых критериев западной интерпретации этого термина. Не совпадают смыслы ее восприятия: на Западе она воспринимается как свобода выбора, на Востоке – как целостность страны с учетом понимания этого слова в западных странах. Между ними – образ промежуточный, впитавший в себя и западную свободу выбора, и восточную "целость земли".

Не удивительно, что Россия находится в пространстве между "свободой выбора населения" и "целостностью державы", раскачиваясь от "личности" к "полиархии со множественностью выборов". Неограниченная свобода или единство земли – болезненный выбор для любого, кто считает в равной мере ценностью и то, и другое.

Суть коллизии между Россией, с одной стороны, и США с Европой – с другой, заключается в расхождении оценок демократичности либеральной политической истории, которая доминирует "у них", и примата целостности державы. Своеобразно, с использованием по-современному языка конституций. Масса недоговоренностей – конституция, цивилизованная со ссылкой на своеобразный "суровый климат", ленивый характер образного мышления, который характеризуется живой, динамичной манерой поведения и... выжиданием, воззрением с философским мышлением. Образ экономической и политической жизни народа России, покрывающей собой просторы от Восточной Европы до Северной Азии [Косолапов 2006].

Сложно понять людей этой земли, рассекаемой великими реками и омываемой морями с разным климатом, не постигнув специфику жизни на каждом клочке территории, в лесах и горах. Нелегко такому народу объяснить, что надо стремиться к обладанию, обмену, рачительному распоряжению ресурсами и богатством, лежащим буквально под ногами.

"Режим одного человека" с поправками на культурные особенности – это своего рода способ организации политического пространства не только в ряде

арабских стран, ЮВА, Латинской Америки и Африки, но в Китае и России. Возникает вопрос: как это интерпретируется руководством страны и как удастся обосновать неизбежность смены лидера? Использовать китайский опыт или найти решение все-таки на основе *собственного* опыта?

Россия с некоторой надеждой смотрит на тактические поиски выхода из тупика посредством механизмов ООН.

"ПЯТИУГОЛЬНИК" ИЛИ "ТРЕУГОЛЬНИК"?

"Трехстороннюю" или "пятистороннюю" модели полезно рассматривать в свете членства ядерных держав в Совете Безопасности ООН. В этой трехсторонней конструкции одна сторона (США, Британия и Франция) – державы, экономически и политически объединенные принадлежностью к клубу западных стран, приобщенностью к единым либеральным социокультурным ценностям. Другая сторона – Россия, разделяющая с Западом общеэкономическое кредо, многие философские и гуманитарные представления, однако имеющая собственную традицию в политике и географические ценности. Третья сторона – Китай, который адаптировался к мировым экономическим ценностям, но требует уважения к принципам единства страны, к своему древнему происхождению, к традициям философской мысли и политической воли "сверхбольшого народа".

Очевидно, что общие принципы, прежде всего экономические, составляют ключевое условие объединения стран в ООН. Остальные стороны по умолчанию, похоже, согласны обсуждать, договариваться и сближать позиции. Но не все так просто, если вглядеться в детали общей картины.

Для начала надо посмотреть на единение Вашингтона с Лондоном и Парижем. Вопрос о солидарном голосовании в Совете Безопасности ООН ставит в повестку дня наличие в СБ "блока" – США, Британии и Франции.

"Неконтинентальная" Британия слишком поглощена своими политическими пертурбациями, сменив премьера и подтвердив "неевропейский" выбор. Кроме того, Лондон знает рубеж, за которым он не может связывать себя с авантюрами США в Азии (например, в Иране).

Франция, дальше отстоящая от США в экономической сфере, чем Британия, больше завязана на свои интересы в материковой Европе, в Африке (особенно Северной, прежде всего в Алжире), а также на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Камбоджа и Лаос). Пройдет ли "блоковое решение" или же Вашингтон, Лондон и Париж предпочтут три "автономных" подхода к голосованию? Расклад сил вызревает исподволь, осмотрительно, и пока не до конца очевиден.

Налицо значительное несоответствие интересов и целей США, с одной стороны, и европейских материковых союзников по НАТО, с другой. Германия, хотя не является членом ядерной пятерки, испытывает на себе давление со стороны США из-за укрепления связей с Россией в сфере газовых поставок и использует свои связи с Парижем, чтобы ослабить американский прессинг. У нее есть обособленное мнение на предмет политики НАТО и "солидарности" двух крыльев альянса – "американского" и "европейского" материкового.

Сдержанную позицию по отношению к США занимает Италия. Сначала в 2014 г. она выступала с демаршами в связи с санкциями ЕС против России.

Ущерб торговле – вот что заставляет Рим нервничать и поднимать каждый новый год планку притязаний на свою долю в субсидиях из бюджета ЕС.

Размежевание среди европейских стран вызвали американские требования об увеличении ввоза заокеанского газа в увязке с отказом от импорта из России по строящемуся "Северному потоку – 2". Британия с самого начала поддержала американское предложение. Расклад далее оказался таким: три страны Балтии, Польша, Румыния – "за" американский газ, а Германия, Франция, Австрия, Венгрия, Чехия, Словакия – скорее "против". Дания летом 2019 г. подписала соглашение о проходе трубопровода через часть ее морских владений. Италия занимает нейтральную позицию, но фактически симпатизирует сторонникам завершения проекта до конца 2019 г., несмотря на воинственные жесты конгрессменов США. Россия же заинтересована ввести газопровод в строй, чтобы не продлевать поставки через Украину.

Ставя вопрос о союзе ЕС и США по вопросам трансатлантического взаимодействия, Д. Трамп выдвигает претензии хозяйственного порядка. Брюссель отказывается их принимать, параллельно подыскивая новых партнеров в Африке и Азии и ностальгируя по более "лояльному" к европейским нуждам президенту США Б. Обаме, получившему за это Нобелевскую премию мира в 2009 г. Франция, Германия и Италия, отворачиваясь от Атлантического океана, все пристальнее смотрят на юг и восток. А там Китай в ответ снисходительно предлагает европейцам что-то из проекта "Один пояс и один путь" по остаточному принципу. Наконец, Россия замерла в нерешительности: с одной стороны, ее тянет к Востоку, с другой – ее европейские надежды и разочарования нуждаются в переосмыслении, а Украина с новым президентом задумалась, как бы упорядочить отношения с соседями на севере и востоке, параллельно налаживая отношения с западными соседями. Иными словами, Москва с осторожной надеждой смотрит на Восток, ЕС – тоже, и в противофазе Киев медленно двигается на Запад.

Похоже, что в условиях стратегической нестабильности меняется расстановка сил в мире, и у России появляется шанс на корректировку дипломатического курса и его взвешенного переосмысления. Но этот шанс размывается курсом НАТО и отношениями в военной сфере, из этого курса вытекающими [Барановский 2019]. Сдвиг атлантического акцента на Польшу и три прибалтийских государства осложняет ситуацию на российском Северо-Западе, учитывая особую роль для этого региона Балтийского моря. Атлантисты перешли к реальному видоизменению геополитического ландшафта 2000-х годов, размещая в пунктах дислокации сил НАТО в регионе новые материальные и людские ресурсы. Москва предпринимает по этому поводу контрманевры. На южном фланге растет взаимопонимание между Москвой и Анкарой, подкрепленное поставками в Турцию ПЗРК С-400, вызвавшими крайнее раздражение США.

ПОЧЕМУ НЕТ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ МЕЖДУ ДВУМЯ СИСТЕМАМИ

В основе нарастания стратегической нестабильности лежит отсутствие понимания между двумя парадигмами/системами государственного устройства: *либерально-демократической* и *государственно-демократической*. Обе стороны, будучи системами с обратной связью (а без нее система начинает застаиваться [Хрусталев 2008]), ведут полемику всерьез и давно при понимании, что первая

имеет для этого несравненно более мощные резервы, мобилизуя, если надо, силы *вне* государственных структур (прежде всего махину массмедиа), а вторая не может делать этого иначе как *через* государство (потому что у него в руках все рычаги).

"Либерально-демократическая" (по-американски, по-европейски, по-японски, по-индийски) система и "государственно-демократическая" (по-российски, по-китайски, по-индонезийски, по-арабски – с поправками на истолкование "демократии" и роль частного капитала) остаются основными соперниками, а нарастающий конфликт чреват мировыми потрясениями.

Что делать с азиатскими демократиями? Ничего. Демократия в Японии и в Южной Корее – побочный продукт заокеанской модели. В японском кейсе изначально, в 1945-1946 гг., – опиравшийся на американские оккупационные войска и написанную американцами же конституцию, а в корейском кейсе – на страхе перед Пхеньяном и на штыки американских солдат, сидящих в Сеуле "на тот случай, который когда-нибудь обязательно случится"! "Случай случился" в начале 1950-х годов, и сомнительно, чтобы северокорейцы, несмотря на все тяготы быта, готовы были бы снова подвергнуться такому эксперименту. У их лидера есть собственные идеи и впечатления от визитов в Китай и от первой поездки в Россию (2019 г.).

Остальные следят за потоками информации и делают выводы. Дипломаты и аналитики пытаются понять, что именно лежит в основе политики каждого из пяти государств в ООН. В Нью-Йорке вырисовывается некая конфигурация из "пяти ядерных членов" в Совете Безопасности как постоянная группа, тактически разъединенная, но сплоченная задачей не допустить выхода мира из-под своего доминирования.

КНР в 2000-х годах освоила черты поведения великой державы. Россия – не сразу, но основательно – вспомнила манеру поведения СССР и с 2010-х годов позиционирует себя как большая страна с серьезным военно-экономическим и космическим потенциалом. США и Британия, а также Франция остались на прежних позициях, но отношения между ними и другими державами "пятерки" после 2014 г. видоизменились. Все пять ядерных держав начали голосовать в СБ более сдержанно, вдумчиво, разборчиво и разумно. "Эмоции" по поводу тех или иных аспектов обсуждаемых вопросов кипят и лишь слегка сдерживаются ведущим очередное заседание. Разворачивается маневрирование вокруг общемировых проблем, о последствиях которых для Востока и для Запада можно только догадываться. России при таком раскладе приходится рассчитывать на свои силы и на поддержку Китая или его нейтральное голосование в ООН.

DOI: 10.17976/jpps/2019.05.07

THE CHINESE ANGLE IN THE WORLD-SYSTEM MANAGEMENT

A.D. Bogaturov[1]

[1]*International Trends Journal. Moscow, Russia*

BOGATUROV, Alexei Demosfenovich, Dr. Sci. (Pol.), Professor, Chairman of the Editorial Board of the *International Trends* Journal, Moscow, email: alebog@obraforum.ru

Bogaturov A.D. The Chinese Angle in the World-system Management. – Polis. Political Studies. 2019. No. 5. P. 85-95. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.07

Received: 06.06.2019. Accepted: 10.07.2019

Abstract. China moved to the forefront of world politics, which resulted in a rearrangement of the balance of forces between the five nuclear powers represented in the U.N. Security Council. Russia has taken a benevolent stance towards China's new status, France pronounced to remain neutral, whilst the United States and Britain have refrained from expressing any clear opinion. The rest of the states are watching with interest or anxiety. The United States under Trump maintains an offensive position in all conflict-prone areas. Beijing, on the other hand, maintains a balanced point of view: not to join any 'alliances' and not to back any of the great powers. Moscow opposes the U.S.A., trying to abstain from any military coalescing. The continental E.U. is concerned with resolving the conflict in Ukraine and, at the same time, seeking opportunities for new beneficial relations in the Middle East, Asia, and Latin America. The author, on the basis of a comparative analysis of these international relations dynamics, shows the inconsistencies of the policies of 'nuclear countries' at the intersection of changes stemming from the greater 'free hand' of the United States, Russia and Britain. The countries of the Nuclear Five in the U.N. adhere to the policy of 'keeping a balanced position' in potentially explosive situations.

Keywords: world system, five-party regulation, nuclear powers, U.N., China, Russia, U.S.A., E.U., balance of forces, world politics.

References

Acharya A., Buzan B. 2010. *Non-western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia (Politics in Asia)*. London, New York: Routledge.

Baranovsky V.G. 2019. New International Order: Overcoming or Transforming the Existing Pattern? – *World Economy and International Relations*. Vol. 63. No. 5. P. 7-23. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23

Degtyarev D.S. 2016. *Prikladnoj kolichestvennyj analiz i modelirovanie mezhdunarodnyh otnoshenij* [Applied Quantitative Analysis and Modeling of International Relations]. Moscow: RUDN. (In Russ.)

Khrustalev M.A. 2008. *Analiz mezhdunarodnyh situacij i politicheskaya ekspertiza* [Analysis of International Situations and Political Expertise]. Moscow: NOFMO. (In Russ.)

Kosolapov N.A. 2006. Research of International Relations: Logic of Ideas, Interests, Policies. – *World Economy and International Relations*. № 4. P. 93-99. (In Russ.)

Shakleina T.A. 2017. *Rossiya i SShA v mirovoj politike* [Russia and the USA in World Politics]. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Sistemnaya istoriya mezhdunarodnyh otnoshenij. Opyat' razdelennyj mir [System History of International Relations. Again Divided World]. 2019. Ed. by A.D. Bogaturov. Moscow: Yurayt. (In Russ.)

Tsygankov P.A. 2017. *Teoriya mezhdunarodnyh otnoshenij* [Theory of International Relations]. Moscow: Yurayt. (In Russ.)

Voskressenskij A.D. 2006. "*Bol'shaya Vostochnaya Aziya". Mirovaya politika i energeticheskaya bezopasnost'* ["Greater East Asia". World Politics and Energy Security]. Moscow: Lenand. (In Russ.)

Литература на русском языке

Барановский В.Г. 2019. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? – *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 5. С. 7-23 https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23

Воскресенский А.Д. 2006. *"Большая Восточная Азия". Мировая политика и энергетическая безопасность*. М.: Ленанд.

Дегтярев Д.С. 2016. *Прикладной количественный анализ и моделирование международных отношений*. М.: РУДН.

Косолапов Н.А. 2006. Исследования международных отношений: логика идей, интересов, политики. – *Мировая экономика и международные отношения*. № 4. С. 93-99

Системная история международных отношений. Опять разделенный мир. 2019. Под ред. А.Д. Богатурова. М.: Юрайт.

Хрусталев М.А. 2008. *Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза*. М.: НОФМО.

Цыганков П.А. 2017. *Теория международных отношений*. М.: Юрайт.

Шаклеина Т.А. 2017. *Россия и США в мировой политике*. М.: Аспект Пресс.